

Бичер-Стоу (Дорошевич)

У «Хижины дяди Тома» нет памятника.

Но у мистрисс Бичер-Стоу есть такой памятник, какого нет ни у одного писателя мира.

Этот памятник — миллионы полных благодарности человеческих сердец.

Согласитесь, что это стоит той «пирамиды из черепов», которую воздвиг себе один из великих завоевателей и с которой нас познакомила картина В. В. Верещагина.

От Сан-Франциско до Нью-Йорка и от Нью-Орлеана до Албэни, — вы не встретите ни одного негра, как бы он ни был беден, забит, невежествен, — который не знал бы имени Бичер-Стоу, «заступившейся за бедных негров». Вот бедняга негр. Едва грамотный.

На вопрос: «Каких вы знаете ветхозаветных святых?» — он ответит: — Давида и Голиафа. Но спросите у него: — Знаете ли вы имя Бичер-Стоу?

Его чёрное лицо расплывётся в улыбку, полную умиления:

— Мистрисс Бичер-Стоу, которая заставила весь мир заступиться за бедных чёрных? Какой же негр не знает этого имени?!

— Кто была мистрисс Бичер-Стоу?

На этот счёт среди негров ходит масса легенд. Негр, рабочий в таможне, носильщик тяжестей в Сан-Франциско, объяснил мне:

— Мистрисс Бичер-Стоу была не кто иная, как английская королева! Это была самая славная, самая богатая, самая могущественная королева в целом свете. Когда она слышала, что где-нибудь кого-нибудь притесняют или обижают, она посылала туда свои корабли и войска и спасала страдающих. Во всём мире не было, казалось, такого уголка, где бы не знали имени доброй и великодушной королевы Бичер-Стоу и не произносили с благоговением этого имени. Вот однажды королева Бичер-Стоу справляла день своего рождения. Её военачальники привезли ей всевозможные подарки. Тут было всё, что только есть самого диковинного в мире. Один привёз такой ананас, который с трудом могли нести двое, другой — ручного льва, который лежал у ног великой королевы, послушный как собака, третий — слона величиною с маленького

пони. Словом, всякий привёз что-нибудь удивительное. Только один генерал явился с пустыми руками.

— Я привёз вам, могущественная королева, — сказал генерал, когда очередь дошла до него, — самый изумительный подарок в мире. Человека, который никогда не слышал об имени королевы Бичер-Стоу!

Те были поражены.

— Этого не может быть! Королеву Бичер-Стоу знает весь мир!

— А когда родился этот изумительный человек, который никогда не слышал имени королевы Бичер-Стоу? Быть может, только сегодня? — с лукавой улыбкой спросил один из придворных.

— Ведь ему около тридцати лет? — отвечал генерал и приказал ввести Тома.

Это был бедняга негр, бежавший от своего хозяина. После того, как его исколотили плетью и бросили в поле, думая, что он уже умер. Том пришёл в себя, отдышался, сначала пополз, потом пошёл, потом побежал в Филадельфию. Там он потихоньку забрался в трюм первого попавшегося корабля и пролежал среди кип хлопка вплоть до тех пор, пока Америка не скрылась из глаз. Тогда он вышел из трюма и его заставили топить машину. Около берегов Англии пароход, на котором плыл Том, разбился, и Том один только спасся на обломке мачты. Вот кто такой был Том.

Войдя в королевскую залу и увидев много народу при оружии, Том, конечно, испугался, упал на колени и завопил:

— Не убивайте меня! Дайте жить бедному Тому! Я готов вернуться к своему хозяину, и буду работать вдвое больше. Вот вы увидите. Только не убивайте меня!

Но королева Бичер-Стоу с доброй улыбкой сказала ему:

— Встань, бедный чёрный, и не бойся, — никто здесь не сделает тебе вреда. Прежде всего, скажи, как тебя зовут?

Этот вопрос поставил беднягу Тома в недоумение:

— Это глядя по обстоятельствам! — отвечал он. — Когда я падаю обессиленный от работы, — меня зовут лентяем. Когда я прошу есть, — меня зовут обжорой. Когда я кричу от боли в то время, как меня бьют, меня зовут негодяем. Но чаще всего меня зовут скотом.

Королева Бичер-Стоу была удивлена и спросила:

— Но в какой же стране ты живёшь?

— Говорят, что страна, где я живу, называется Америкой, — отвечал Том, — но я этому не верю!

— Почему же? — спросила королева.

— А потому, что страну, где я живу, называют также страной свободы. Разве это не ложь? Страна, где людей бьют плетью и продают как собак, — называется страной свободы!

Королева задумалась и спросила:

— А слышал ли ты когда-нибудь имя королевы Бичер-Стоу, которая заступается за всех несчастных?

— У моего хозяина триста таких же негров, как я, — с удивлением сказал Том, — и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь произносил это имя!

— И много вас, в этой стране, таких, как ты? — спросила королева.

— Вокруг нас тридцать хозяев, и у каждого по триста негров. Но я с уверенностью могу сказать, что никогда и никто из них не слышал имени, о котором вы изволите говорить! Дальше, я слышал, что есть несметное число таких же жестоких хозяев, как мой, и таких же несчастных негров, как я, — но имени королевы Бичер-Стоу, которая вступалась бы за несчастных, — нет! Этого имени не слыхивал никто!

Тогда королева поднялась с глазами полными слёз и воскликнула, дрожа от гнева:

— Знайте, что всякий, кто осмелится мне говорить, будто имя Бичер-Стоу знает и благословляет весь мир, — будет сочтён мной за лжеца! Есть тысячи тысяч страдающих людей, которые не знают имени королевы Бичер-Стоу. Тот, кто работает лишь день, не смеет сказать, что он работал целые сутки. И я не смею сказать, что меня знает весь мир, когда меня знают только белые, и не знают чёрные. Но я хочу, чтоб и чёрные узнали моё имя!

И она приказала посадить войска на корабли и отправила их освобождать бедных негров. После страшной войны негры были освобождены войсками великой, доброй и могущественной королевы. И с тех пор матери учат своих маленьких чёрных детей этому святому имени — королевы Бичер-Стоу, освободившей бедных негров. И мы знаем это имя, которое знает весь мир!

— Какой вздор! — воскликнул со смехом негр-кочегар в Огдене, когда я рассказал ему историю, слышанную в Сан-Франциско, — кто же не знает, что мистрисс Бичер-Стоу была женой президента Соединённых Штатов!

— Не можете ли вы сказать мне имени этого президента?

— Его имя было Вашингтон, и дело происходило следующим образом. У президента, как и у всех, была масса негров, — быть может, даже больше, чем у других. Мистрисс Бичер-Стоу обращалась с неграми точно так же, как обращались с ними и другие хозяйки. Когда она бывала за что-нибудь недовольна негром, она приказывала его продать и купить другого. Иногда она брала несколько негритянских детей и выменивала их на одного взрослого. Иногда ей приходила в голову другая мысль: взять большого негра и разменять его на несколько маленьких. Тогда это было делом обыкновенным. Так делали все, и мистрисс Бичер-Стоу не казалось, что это может быть кому-нибудь неприятно. У мистрисс был сын, беленький, как снег, малютка, которого звали Франклином, и мистрисс Бичер-Стоу любила его больше жизни. И вот, однажды мистрисс Бичер-Стоу увидела страшный сон. Ей снилось, что, придя ночью посмотреть, как спит малютка, — она не нашла маленького Франклина в колыбельке. Вне себя от ужаса, она кинулась к няньке негритянке Китти: «Где Франклин?» Чёрная Китти ответила кратко: «Его продали!» Мистрисс Бичер-Стоу показалось, что она сходит с ума, так невероятно было то, что ей сказали: «Да разве можно взять у матери ребёнка и продать?» Она кинулась к мужу, — ко тот только пожал плечами: «А почему нет? Сделка совершена правильно». Вне себя от отчаяния мистрисс Бичер-Стоу подняла на ноги весь город, она с воплями бежала по улицам и останавливала встречных: «Разве можно отнять у матери ребёнка и продать?» Но прохожие только с улыбкой пожимали плечами: «А почему же и нет?» Наконец, она добежала до судей и бросилась к их ногам: «Моего сына, моего маленького Франклина, продали чужим! Его отняли у меня!» Но судьи только расхохотались ей в лицо: «Что ж тут такого?» — «Но ведь это мой ребёнок, мой!» — «А ты посмотришь в зеркало и узнаешь, почему это могли сделать!» Мистрисс Бичер-Стоу взглянула в зеркало и увидела, что она чёрная. Из её груди вырвался нечеловеческий вопль... и она проснулась. В ужасе от виденного сна, с сильно бьющимся сердцем, кинулась мистрисс Бичер-Стоу в комнату своего сына и увидела, что маленький Франклин спокойно спит. Около его колыбельки сидела чёрная Китти, его нянька, и горько плакала. Мистрисс Бичер-Стоу в первый раз увидела негритянку, которая плачет, хотя её никто не бьёт. «Что с тобой, Китти?» — спросила она с удивлением. — «Простите мои слёзы, масса, — с испугом отвечала чёрная Китти, — не беспокойтесь, я не разбужу ими маленького хозяина. Я плачу потому, что

сегодня продали моего сына. Это приказал сделать большой хозяин; он сказал: „Продайте маленького Тома, Китти тогда будет свободнее и лучше будет ухаживать за моим сыном“. И вот... моего ребёнка... отняли у меня и продали»... Слезы не дали чёрной Китти говорить далее, — но у г-жи Бичер-Стоу сердце сжалось от ужаса. Она понимала, что чувствует чёрная Китти. Она кинулась в спальню своего мужа:

— Ты приказал продать маленького Тома?! Ты?! Пусть сейчас же вернут матери её дитя!

— Но сделка совершена по всей форме! — отвечал ей муж, совсем как во сне.

Тогда мистрисс Бичер-Стоу воскликнула с негодованием: — Но ты президент! Ты должен уничтожить эти варварские законы, по которым можно отнимать детей у матерей и продавать их!

И кинувшись к ногам своего мужа, рыдая, она рассказала ему свой сон.

— Сделай это! Уничтожь эти ужасные законы! Сделай это ради нашего маленького Франклина! Пусть за него будут молиться тысячи тысяч детей!

Мистер президент не был злым человеком, но просто ему никогда в голову не приходило подумать, что должен чувствовать негр, когда его продают.

Рассказ жены перевернул его сердце. А что, если негры чувствуют то же, что и белые? Ведь вот и они плачут не только тогда, когда их бьют... То, что он думал вслед за этим, не дало ему заснуть во весь остаток ночи, и утром, придя в парламент, он сказал:

— Баста! Негры такие же люди, и никто больше не смеет ни продавать, ни покупать чёрных, как не смеет продавать и покупать белых! Негры свободны.

Конечно, хозяева не так-то скоро отказались от «чёрного скота». Но президент двинул на них войска. Это была страшная война! Много крови пролилось, но больше за то не льётся ни крови, ни слёз бедных негров. Они были освобождены. Так вот кто была мистрисс Бичер-Стоу. Жена президента, джентльмен. И это так же верно, как и то, что я негр, и что я свободен!

— Ха, ха, ха! — расхохотался негр, чистильщик сапог в Чикаго, когда я рассказал ему всё это. — Негритянка Бичер-Стоу — жена президента Соединённых Штатов! Ха, ха, ха! Славно же подшутили над вами, джентльмен.

— Как, разве мистрисс Бичер-Стоу?.. — Была ли она негритянкой? Как я — негр. Если вам угодно, я готов даже рассказать всю историю с начала до конца. Она была негритянкой и притом была такой красавицей, какие

попадают только между негритянками, да и то не часто. Её хозяин, мистер Том, был одним из тех, которые не любят шутить. Однажды, обходя свою плантацию, он кивнул пальцем красавице Бичер-Стоу и сказал: «Сегодня вечером ты придёшь ко мне!» Но маленькая Бичер-Стоу твёрдо ответила: «Нет!» Это случилось в первый раз. Мистер Том даже расхохотался. «А если я прикажу пригнать тебя ко мне плетью?» — «Так что же! Ты можешь меня убить, но всё-таки твоей я не буду!» Мистер Том сломал палку о спину первого попавшегося негра и ушёл. Один чёрт знает этих господ! — как говаривали у нас в старину. Но только куда бы с тех пор ни пошёл мистер Том, что бы он ни делал, везде у него перед глазами была только одна Бичер-Стоу. Он ругался, богохульствовал, колотил попавшихся под руку негров, — но думал только о ней. В конце концов, он не выдержал, подошёл однажды к Бичер-Стоу и, не глядя на неё, сказал: «Вот что! С завтрашнего дня ты совсем не будешь ходить на плантацию. Баста! Ты будешь жить у меня в доме. Поняла? Я надарю тебе хороших подарков. Кстати, если хочешь, можешь захватить с собой твоих родных. Им найдётся место на скотном дворе». После этого он мог бы ожидать, что всякая негритянка кинется к его ногам и начнёт целовать его сапоги. А Бичер-Стоу решительно ответила: «Нет!» Дьявольщина! Мистер Том во всю свою жизнь не натворил столько жестокостей, сколько он натворил в этот день. Думали, что он разнесёт по брёвнышку весь свой дом. Он орал о неблагодарности негров, о том, что это скоты, которые не способны ничего чувствовать, а думал: «Честность, — хоть бы всякой белой!» И ругался при этом прямо адски. Он потерял сон, он бродил как помешанный, всё время думая о честности негритянки, какой не встретишь и у белых девушек. Через две недели он снова подошёл к Бичер-Стоу и сказал ей нечто такое, чему не поверила бы ни одна негритянка в мире: «Слушай — ты! Завтра я на тебе женюсь!» У Бичер-Стоу помутилось в глазах от этих слов, но она снова ответила: «Нет!» Тут уж мистер Том чуть не лишился чувств от изумления: «Что?! Да ты с ума сошла?! Ты отказываешься стать моей женой? Моей законной женой? Хозяйкой всех вот этих негров, которые работают вот здесь?» «Я не хочу быть ничьей хозяйкой! — отвечала Бичер-Стоу. — Я хочу быть такой же чёрной, как все чёрные. Они и так мучатся довольно, я не хочу, чтоб к их мучениям присоединялась ещё и зависть. Освободи своих чёрных, и я буду твоей женой, верной, преданной, любящей, — потому что я люблю тебя». Мистер Том захохотал как сумасшедший и убежал домой. «Освободить негров». Было время, когда это казалось таким же смешным, как «прыгнуть на луну». Освободить негров, чтоб хохотали все соседи. Если б все освободили своих негров, — и мистер Том ничего бы не имел против. Тогда бы он не был смешон. Эта мысль крепко залегла в душу мистеру Тому. Через несколько дней он приказал оседлать лошадь и поехал по соседям. То, что он говорил им,

было так совестно говорить, что мистер Том не решался взглянуть в глаза собеседнику. «Знаете что! На кой дьявол мы держим этих черномазых скотов? Пренеблагодарные твари! Давайте прогоним их, скажем: «Вы свободны» и баста! Пусть гибнут от пьянства, от невежества, от лени!» И мистер Том хорошо делал, что не смотрел собеседникам в лицо. Иначе, при его характере, ему пришлось бы раскроить не одну голову. Он увидел бы, как улыбались соседи, слушая его сумасшедшие речи. Одни, в ответ на предложение, вдруг начинали похваливать ему какого-нибудь доктора, другие предлагали лечь у них в доме и поспать до утра, а третьи просто осведомлялись о цене джина и виски. Мистер Том понял, что с соседями не сговоришь. Но, как вы поняли из моего рассказа, мистер Том был не из тех людей, которые легко отступают. Вернувшись домой, он с такой силой отворил дверь, что дверь слетела с петель, и приказал созвать всех его негров. «Слушайте, черномазые скоты! — сказал он им. — Вы мне надоели. Я отпускаю вас на все четыре стороны. Вы свободны, — понимаете? Свободны! И если хоть одно животное посмеет ослушаться этого моего распоряжения, я раздроблю ему голову! Убирайтесь от меня к чёрту, погибайте от лени, спивайтесь с круга, пропадайте во грехах, — мне нет никакого дела! Я не дам себе труда поднять плётку, чтобы отхлестать хоть одного лентяя среди вас! Мне всё равно! Но перед своей окончательной гибелью вы должны сослужить мне ещё одну службу. Я должен показать соседям, что значит смеяться, когда Том даёт дельные советы. Идите к вашим черномазым собратьям и подговорите их, чтоб все брали в руки что попадётся и требовали освобождения. Всякая восставшая черномазая бестия найдёт во мне своего союзника, — а из вас я делаю передовой отряд этой армии дьяволов! Посмотрим, что-то теперь запоют почтенные соседи!» Через два дня настоящий пожар охватил весь округ. Негры отказывались работать. Они хватали оружие, которое было под руками, и бежали к мистеру Тому. И мистер Том, являясь к соседям во главе своих шаек, говорил одним: «Я пришёл ещё раз узнать хорошенько адрес доктора, о котором вы мне говорили!» — другим: «Я пришёл выпаться в вашем доме после пьянства!» — третьим: «Я пришёл сказать вам цены на джин и виски!» Весть о том, что настал час освобождения негров, облетела все штаты. Всюду происходило одно и то же: негры бросали работать и примыкали к чёрному войску мистера Тома. Это длилось шесть месяцев. Много было пролито негритянской крови, но это была последняя негритянская кровь, которая лилась в Америке. Через шесть месяцев во всей нашей великой стране не было ни одного белого, который мог бы посмеяться над мистером Томом: негры повсюду были свободны. И он, призвав к себе Бичер-Стоу, сказал: «Чёрт возьми, какого шума я наделал из-за такой черномазой девчонки! Делать нечего, — собирайся, завтра наша свадьба!» На этот раз Бичер-Стоу,

действительно, упала к ногам мистера Тома. Вот кто такая была Бичер-Стоу, и вот почему, джентльмен, когда говорят об истинной добродетели, — негры вспоминают чёрную мистрисс Бичер-Стоу.

Так рассказывал мне негр-чистильщик сапог в Чикаго, а негр, истопник в отеле в Нью-Йорке, только посмеялся над этим рассказом и заметил:

— Хе-хе! Чтоб превратить мистрисс Бичер-Стоу в негритянку, чистильщик сапог должен был вычистить её своей ваксой! Мистрисс Бичер-Стоу — негритянская девушка! Когда она писала в газетах! Вам, вероятно, джентльмен, приходилось встречать этих людей, мужчин и дам, — если приходилось видеть какое-нибудь несчастье. Их никогда не увидишь там, где делается что-нибудь хорошее, где люди живут тихо да мирно. Они являются только туда, где происходит несчастье, где кто-нибудь страдает. Мистрисс Бичер-Стоу была одной из женщин, пишущих в газетах. Когда ей захотелось описать побольше несчастий, она поехала на одну из плантаций и поселилась среди негров. Тут не было недостатка ни в страданиях, ни в горе, ни в несчастиях. Оставалось только записывать, что видишь перед глазами. Не хватило даже чернил! Тогда негры приходили на помощь к Бичер-Стоу и, за неимением чернил, наполняли её чернильницу тёплой, красной кровью, которая текла из их ран. Это были слишком густые чернила, джентльмен, и мистрисс Бичер-Стоу разбавляла их своими слезами, чтобы можно было писать. Так кровью и слезами написала она всё, что видела, сидя в хижине несчастного негра, которого звали, — это правда, — Томом. Книги, написанные кровью и слезами, не пропадают, джентльмен. Эту книгу прочёл весь мир. И у всего мира она вызвала слёзы, и у всего мира кровь бросилась в голову при мысли: «Как страдают чёрные!» Тогда и вспыхнула эта великая война, — после которой чёрный человек стал человеком! Вот кто была мистрисс Бичер-Стоу, и вот как была написана её книга.

Они не знают в большинстве случаев, эти бедные люди, кто она была, — но они знают её имя, и нет ни одного негра от Сан-Франциско до Нью-Йорка, от Албэни до Нью-Орлеана, для которого не было бы священной это имя:

— Бичер-Стоу.

Какой памятник для писательницы!..